

¹⁰ Сачков В.Н. Бунин Ю.А. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1. А-Г. М., 1989. С. 362.

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5438. Л. 61. В период с 5 ноября 1884 г. по 15 января 1885 г. Светлицкий действительно ездил с этой целью с Харьков и Кизляр. Там же. Л. 59.

О.А.Белёвский (Киев)

Всеобщее и особенное в русской революции

В отношении великой русской революции 1917-1991 гг. сегодня совершается величайшая несправедливость, которая, правда, совершается в истории всякий раз, когда революция терпит поражение: контрреволюция исполняет над трупом поверженного врага свой победный танец, навязывая обществу свою, отнюдь не беспристрастную, точку зрения. Отрицанию подвергается все – семьдесят четыре года советской эпохи буквально вычеркиваются из отечественной истории. Те, кто это делают, не задумываются над тем, что, отрицая русскую революцию и советский период отечественной истории, они одновременно унижают национальное достоинство народа, ее совершившего, ибо всякая великая революция имеет не только всеобщий – всемирно-исторический, – но и национальный характер.

Когда-то М.Горький писал, что «всегда и всюду особенно злые, бесстыдные формы принимает ложь обиженных и побежденных»¹. У русской революции, как у всякой великой революции прошлого, были свои великие сражения и великие победы, соответственно – как и у всякой революции, у нее были свои обиженные и побежденные. Еще недавно казалось, что в лучшем случае их удел – опубликованные за рубежом мемуары, в худшем – забвение, т.к. вопреки всем канонам диалектики была абсолютная уверенность в том, что в отличие от великих революций прошлого наша революция победила окончательно и бесповоротно.

Но в последнем десятилетии XX века история сделала неожиданный поворот, как будто специально для того, чтобы доказать мысль Н.А.Бердяева о том, что «всякая революция бывает неудачной»². Великая русская революция перестала быть историей и потерпела вполне реальное политическое поражение. В этом поражении уже не было ничего величественного и героического. Осажденная крепость, которая, демонстрируя миру чудеса мужества и героизма, выдерживала тяжелейшие удары истории, спасая мир от фашизма, была разрушена предательством, превратившимся из моральной категории в категорию историческую. Советскому социализму, как и древнему Вавилону, не помогли высокие и крепкие стены; ворота врагу были открыты изнутри – своими собственными гражданами, утратившими в силу объективных и субъективных причин коммунистическое самосознание. (Объективно-научное познание оснований и логики этой утраты является одной из важнейших задач, стоящих перед современной марксистской мыслью).

С исторической точки зрения поражение русской революции и созданного ею советского социализма есть великое историческое несчастье: к началу XXI века человечество оказалось без надежных средств самозащиты, один на один с сильным и ловким хищником – глобальным корпоративным капитализмом. Трагизм положения усугубляет специфическая форма поражения: потеряв свой социалистический характер и капитулировав добровольно, русская революция сильно разочаровала тех, к кому она обращалась все это время – трудящиеся

массы. Тяжелые моральные последствия такой самодискредитации, похоже, еще не скоро будут нейтрализованы. Утратив веру в коммунистическую перспективу, человечество, не смотря на все тяготы жизни в условиях глобального капитализма, не видит иной перспективы, кроме жизни в удушливой атмосфере постмодерна, в ситуации без выхода и без надежды. Такая жизнь может длиться достаточно долго, но вряд ли вечно. Рано или поздно человечество вынуждено будет обратить свой взор в сторону коммунизма, ибо только он является формой кардинального разрешения противоречий капитализма. Очевидно, что русская революция 1917 года была первой, но отнюдь не последней социалистической революцией в истории человечества. Пока существует капитализм – индустриальный, постиндустриальный, информационный и т.д. – сохраняется возможность и необходимость новой социалистической революции. В этом смысле законы истории неумолимы и они рано или поздно определяют волю и разум людей. Тем более, что в отличие от современников, которые, по словам Г.Баттерфилда, «склонны оценивать революцию исключительно по ее ужасам», потомки смотрят на революции с прямо противоположной позиции; и это, заметим, значительно облегчает истории выход на новый виток своего развития. Опыт русской революции 1917 года и советского социализма, безусловно, еще будет востребован будущими поколениями во всей его полноте.

Этот опыт, на наш взгляд, имеет две составляющие. С одной стороны, великая русская революция демонстрирует всеобщую и универсальную логику любой социалистической революции как перехода от капитализма к социализму. Эти универсальные закономерности не зависят от места и времени, они будут в той или иной форме «работать» в каждой будущей социалистической революции. Содержание этих универсальных закономерностей выражают общие принципы марксистской теории, такие, как: отрицание частной собственности вообще и капиталистической частной собственности в частности, диктатура пролетариата и постепенное отмирание пролетарского государства в пользу самоуправления, интернациональное единство пролетариата в борьбе против капитала, всестороннее и гармоничное развитие человеческой личности и т.д. В отношении этих универсальных принципов среди марксистских теоретиков прошлого и настоящего существует определенное единство взглядов. Поскольку марксизм претендует (и не без оснований) на объективно-истинное отражение тенденций развития капиталистического общества, то порождаемая капитализмом социалистическая революция выглядит как воплощение в жизнь положений марксистской теории.

Однако следует учесть и то обстоятельство, что революционное преобразование капиталистического общества и реализация марксизма всегда осуществляются в конкретно-исторических условиях. Социалистическая революция неизбежно приобретает национальный характер – становится русской, венгерской, кубинской и т.д.. Национальные особенности составляют вторую сторону всякой социалистической революции вообще и русской революции 1917 года в частности. Именно здесь, как правило, разыгрывается основная драма. Причем разыгрывается неслучайно, ибо применение марксистской теории к условиям конкретной страны – задача не простая. Речь не может идти о простом, механическом наложении общих принципов марксизма на историческую реальность. Наложить нужно так, чтобы особенности этой реальности были учтены. В этом непростом деле марксизм, имея общие алгебраические формулы и некоторые превосходные примеры и образцы их применения Марксом и Энгельсом, не имеет твердо установленных шаблонов. Поэтому при решении задачи приложение марксизма к условиям конкретной страны возможны

различные решения, в результате чего происходит разделение марксистов на большевиков, меньшевиков, сталинистов, троцкистов и пр. Полемика между различными течениями марксистской мысли, между различными фракциями революционного коммунистического движения не может рассматриваться как досадное историческое недоразумение. Она есть объективная закономерность, которая присутствует в русской революции и, в той или иной степени, будет присутствовать в каждой будущей социалистической революции.

В русской революции национальная особенность сыграла, на наш взгляд, особо важную роль. Если отбросить в сторону откровенно капиталистические, крайние, неисторические формы критики русской революции, отрицающие очевидное – ее объективную неизбежность и великие достижения в деле национального возрождения, то главный пункт обвинений сводится к тому, что достижения революции были достигнуты непомерно высокой ценой – крайним напряжением сил, большим количеством отданных жизней, применением насильственных методов.

Безусловно, цена, уплаченная русским и другими народами Российской империи за попытку построить социализм, высока. Кажется, что на примере революционной России история решила проверить на прочность стремление человечества к новой, социалистической форме жизни, воздвигнув на пути строителей социализма нечеловеческие трудности. Впервые в истории человечества рабочая, коммунистическая партия пришла к власти и начала строить социализм в стране, совершенно не готовой к социализму по уровню своего экономического и культурного развития. М.Горький не без оснований писал, что среда, в которой разыгрывалась трагедия русской революции – «это среда полудиких людей»³. Он объяснял жестокость форм революции исключительной жестокостью русского народа и при этом, заметим, защищал ее вождей (с которыми был лично знаком и которых нередко критиковал) от обвинений в зверствах – сами эти обвинения он рассматривал как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий, или – если они звучали со стороны людей честных – как добросовестное заблуждение.

Если даже отбросить в сторону некоторую резкость горьковской мысли, то следует признать, что многие проблемы русской революции и советского общества, на которых сегодня активно спекулирует антикоммунистическая пропаганда, были обусловлены тем, что идеи Маркса, которые являются порождением и квинтэссенцией западной культуры, пришлось впервые в истории воплощать в жизнь на периферии западного мира, ломая сопротивление и косность не только буржуазных, но и добуржуазных форм жизни и сознания – со всеми вытекающими отсюда последствиями. (Эту мысль в свое время высказывал советский философ-марксист Э.В.Ильенков в статье «Маркс и западный мир»).

В понимании сущности этой исторической коллизии мысли Г.В. Плеханова представляют большую ценность. Драма социалистической революции в России стала его личной, жизненной драмой. Г.В.Плеханов был первым человеком в России, который понял великую историческую роль промывленного пролетариата в российском революционном движении. Однако, как известно, он считал взятие государственной власти пролетариатом в лице большевистской партии большой исторической ошибкой. «Меня эти события огорчают»⁴, – писал Г.В.Плеханов в открытом письме к петроградским рабочим в связи с известными событиями октября 1917 года, благодаря которым пало правительство Керенского и власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ссылаясь на слова Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, чем захват политической власти в то время,

когда он к этому еще не готов, Плеханов категорически утверждал, что «наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти»⁵. Взятие власти в таких условиях он считал величайшим историческим несчастьем, как для самого пролетариата, так и для всей страны.

Аргументы, которые приводил Г.В. Плеханов в пользу такой точки зрения, были достаточно весомые. Он обращал внимание на то, что в населении России пролетариат составляет меньшинство, тогда как для успешного осуществления диктатуры пролетариата и построения социалистического строя необходимо, чтобы пролетариат составлял большинство населения страны. Главным союзником российского пролетариата считалось крестьянство. Г.В. Плеханов обращал внимание на несоциалистический характер его революционных устремлений: «Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается...»⁶. Ошибкой он считал надежды на то, что совершивший революцию русский рабочий класс будет поддержан европейским пролетариатом. Г.В. Плеханов видел оппортунистическое перерождение передовой немецкой социал-демократии и писал о том, что ни немец, ни француз, ни англичанин не смогут «докончить то, что будет начато русским». И потому «несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит пролетарской революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте...»⁷.

Сегодня не требуется слишком много ума, чтобы увидеть, что в своем итоге вывод великий Г.В. Плеханов все-таки ошибся. Российский пролетариат, поддержавший в октябре 1917 года большевистский переворот, сумел выстоять в навязанной ему жестокой гражданской войне. Он не отступил от позиций февраля-марта 1917 г., чего так боялся Г.В. Плеханов. Он победил, хотя эта победа стоила ему больших человеческих жертв и больших разрушений – разрушена была почти половина производительных сил и без того отсталой России. Но было бы совершенно неправильно и несправедливо ответственность за эти жертвы и разрушения возлагать исключительно на силы революции. В войне, в том числе гражданской, воюют (причем не без жестокости) как минимум две стороны. Обе – стреляют, обе – расстреливают. Разница лишь в том, что одни расстреливают во имя прошлого, а другие – во имя будущего. Таковы законы этого жанра, являющегося своеобразной квинтэссенцией жестокой человеческой предьстории.

Безусловно, в политическом споре Г.В. Плеханова и В.И. Ленина по поводу возможности победы пролетариата в отсталой стране прав оказался последний – в крайне трудных условиях, впервые в мировой истории большевики сумели пробить брешь в системе мирового империализма. Но политический проигрыш Г.В. Плеханова отнюдь не означает, что обозначенная им проблема неготовности России к социализму перестала существовать. Экономическая и культурная отсталость России по-прежнему продолжала накладывать свой отпечаток на весь дальнейший ход русской революции, придавая ей оттенок крайнего драматизма. Социализм приходилось строить в отсталой крестьянской стране. В лице русского крестьянства, нуждающегося в земле, но не нуждающегося в социализме, революция получила союзника и одновременно огромную историческую проблему, которая рано или поздно должна была до предела обострить и ожесточить характер русской революции. Первой «ласточкой» будущих потрясений стал Кронштадтский мятеж 1921 г. Будучи жестоко подавленным, он, тем не менее, заставил большевиков изменить свою политику – НЭП был очевидным экономическим отступлением русской революции от своего

социалистического курса. Экономически укрепляя буржуазные элементы в городе и в деревне, НЭП создал все необходимые предпосылки для нового столкновения между силами революции и контрреволюции. Формами этого столкновения стали индустриализация и коллективизация. Обе эти задачи, которые в крайне неблагоприятных исторических условиях и в предельно короткие сроки пришлось решать русской революции, не имели специфически социалистического характера. Социализму пришлось делать то, что должен был сделать, но не сделал российский капитализм. Индустриализация и коллективизация создали базовые основы социалистического строя в СССР и стали великими победами русской революции. Но трудный процесс достижения этих побед внес в жизнь советского общества особую степень напряженности, придал ему форму мобилизационного социализма – социализма осажденной крепости, без демократии и особых потребительских удобств. Такой социализм не вполне соответствовал абстрактному и романтическому «идеалу», но именно такой социализм сумел вынести на своих плечах тяжелейшие исторические испытания 1941-1945 гг.

На наш взгляд, не крайнее напряжение сил и жестокости классовой борьбы сталинской эпохи погубили отечественный социализм. Причина заключалась в другом: создав основы социалистического строя в некогда отсталой стране, отстояв свое право на жизнь, русская революция продолжала оставаться, по меткому выражению историка Исаака Дойчера, «незавершенной революцией». Ее завершенность могла быть достигнута переходом от формального (государственного) обобществления к обобществлению реальному, упраздняющему отчужденные (товарно-денежные и государственно-принудительные) формы отношений, превращающему культуру в деятельную способность каждого индивида. Неспособность т.н. «развитого» советского социализма в лице КПСС теоретически осознать и практически разрешить эту жизненно-важную для социалистической революции задачу обернулась для советского общества застоєм и гниением. Последующая перестройка, сделавшая попытку вылечить советское общество чуждыми его природе рыночными средствами, стала для отечественного социализма настоящей катастрофой.

¹ Горький М. *О русском крестьянстве*. Издательство И. П. Ладыжникова. Берлин, 1922.

² Бердяев Н.А. *Размышления о русской революции*.

³ Горький М. *О русском крестьянстве*. Издательство И. П. Ладыжникова. Берлин, 1922.

⁴ Плеханов Г.В. *Открытое письмо к петроградским рабочим*. // Плеханов Г.В. *Год на родине*. Т.2. Париж. 1921. с.244

⁵ Плеханов Г.В. *Открытое письмо к петроградским рабочим*. // Плеханов Г.В. *Год на родине*. Т.2. Париж. 1921. с.246

⁶ Там же, с.246

⁷ Там же, с.247

Ш.Риндлисбахер (Берн)

Трагический конец революционной жизни Веры Ивановны Засулич

1. В. И. Засулич и Первая мировая война

После поражения Первой русской революции Вера Ивановна Засулич отошла от активного участия в революционной деятельности, вышла из нелегального положения и получила паспорт. Работа переводчиком приносила небольшой доход, которого, однако, хватало на жизнь. В 1909 г. Засулич купила небольшой домик в Тульской губернии, где жила и отдыхала летом. Но уже в 1913 г. Засулич вновь приняла участие в дискуссии по вопросу о так называемых